Серебристое дерево с поющим котом

Автор:
Владислав Крапивин

Серебристое дерево с поющим котом

Владислав Петрович Крапивин

Великий Кристалл #11

Повесть рассказывает о приключениях крошечного инопланетянина Капа, волею случая заброшенного на Землю. Вернуться на родную планету после множества невероятных приключений ему помогают юные жители города Ново-Калошина, профессор Телега и живущий на пустыре домовой Пим-Копытыч.

Владислав Крапивин

Серебристое дерево с поющим котом

ВСТУПЛЕНИЕ

Кап

На ночь Кап устроился в зарослях опушки. На лесной паутине. Он прилёг на скрещение двух упругих шёлковых ниток и сразу уснул – как в чёрную воронку упал. Но и тогда он продолжал тихонько вздрагивать от всех дневных огорчений и, главное, от одиночества, которое ощущалось даже сквозь беспамятный сон…

А утром стало легче. Лучше. Очнулся Кап от ласкового щекотания. Оказалось, что здешнее Лау-ццоло (очень похожее на то, что дома у Капа) просунуло сквозь листья жёлто-белый луч. Потрогало им прозрачное тельце Капа. Может быть, хотело поиграть с малышом. Кап обрадовался. Живая искорка в нём благодарно разгорелась в ответ. Кап решил, что нет никакого резона унывать раньше времени. Просто случилось приключение. В приключениях всегда так: сперва неприятности и опасности, а потом всё кончается хорошо. И, конечно, его найдут. Вернутся домой, заметят, что одного путешественника нет, и тут же бросятся назад, на поиски… Да, разумеется, такие поиски – дело непростое. Очень даже непростое: кое-кому покажется даже, что совсем безнадёжное. Но сам Кап вовсе так не думает…

А есть ещё и другая надежда! Кап сам отыщет разумных существ и попросит о помощи. Правда, пока он их не видел. Но ведь он здесь всего сутки. Не может быть, чтобы на такой громадной и красивой планете не нашлось никого, кому известны законы движения в Пространстве… Да, конечно, старая ворчливая тули-ббуба утверждает, что разумная жизнь во Вселенной крайне редка. Но ясно же: эти слова, для того, чтобы маленькие капли не шастали без спросу где не надо…

Шёлковые нитки закачались. Кап увидел, что к нему подбирается существо. Страшилище! С мохнатым телом, на восьми кривых ногах, со множеством свирепых глаз на безобразной голове. Ну и создание!.. Но кто его знает? Может, по здешним меркам это красавец. Кап на всякий случай послал навстречу существу осторожный магнитный импульс:

– Здравствуй. Ты разумный?

Существо не ответило и продолжало подбираться. Кап не испугался. Страшилище ничего не могло ему сделать. Впрочем, и он страшилищу тоже. Разве что кольнуть его насмешливым лучом своей искорки, слегка подразнить. Кап так и сделал. Потом нащупал тельцем силовую линию здешнего магнитного поля и скользнул по ней с паутины. На простор, на свет!

Мир, открывшийся Капу, был зелёным и голубым. Приветливым. Веял ветерок. Вот и прекрасно! Кап растянул прозрачное тельце в прозрачную плёнку, сомкнул её в невесомый пузырёк, вобрал внутрь пузырька тепло утренних лучей. Воздух в нём нагрелся. Летучий искрящийся шарик, поднимаясь всё выше, поплыл в мягком воздушном потоке.

С высоты здешняя планета была похожа на Ллиму-зину. Только зелень посветлее и не такая густая. И в реке (Кап чуял это издалека), кроме воды, было много каких-то незнакомых смесей. Но голубое небо отражалось в реке ярко и весело. Знакомо… Кап оглядел небо. Оно было почти пустое, только напротив яркого Лау-ццоло, у горизонта, желтело небольшое облако. Кап слегка похолодел от грусти: нет, он больше не обманется. Вчера он с надеждой и радостью кинулся в гущу облаков, но не встретил там никого. Ни одна – понимаете, ни одна! – из миллионов капелек не отозвалась на его зов. И не потому, что они не понимали языка. Нет, они вообще были какие-то… или наглухо уснувшие, или ненастоящие. Страшно сказать – неживые…

И Кап – он, хотя ещё не взрослый и не очень-то образованный – но всё же сообразил (вернее, почувствовал), что в облаках никого он не найдёт. Грустно и непонятно, да что поделаешь. Видимо, здесь свои законы, своя жизнь…

Воздушный поток нёс Капа вдоль речного русла. Кап отдался теплу и полёту бездумно, лениво. Тревога его растаяла. Он был словно в полудрёме. И сперва не обратил внимания, что по берегам всё чаще стали возникать громадные сооружения. Наконец их стало гораздо больше, чем зелени. Тогда Кап встряхнулся и стал соображать: куда его принесло?

Сооружения безусловно были жилищами. Кап и вчера видел такие, только издалека. В жилищах обитали великаны, которые двигались на двух конечностях. Такие водились и на поверхности Ллиму-зины, они назывались уу-гы. Правда, там жилища уу-гы были гораздо меньше – из древесной коры и веток. И ещё различие: на Ллиму-зине великаны поросли шерстью, а на здешних шкуры были явно искусственные. Но это, конечно, ничего не меняло. Никакого контакта между летучими каплями и жителями планетной поверхности быть не могло. Это два совершенно разных мира, два совсем непохожих разума. Если вообще можно допустить, что двуногие обладают разумом. Скорее всего – нет. Известно, что они и охотятся на других существ и друг на друга, нечувствительны к голосам магнитосферы и не в состоянии подняться даже до нижнего облачного слоя… Короче говоря, пользы и помощи от этих существ не могло быть ни малейшей.

Кап хотел поскорей покинуть это неприятное место. Но вдруг уловил в хаотическом дрожании здешнего магнитного поля что-то необычное. Какую-то стройность и осмысленность!

Ничего он, конечно, не понял в услышанных сигналах, но это были именно сигналы. Их посылали друг другу явно разумные существа!

Кап так заволновался, что забыл о температурном режиме. Воздух внутри шарика резко нагрелся и разнёс оболочку на мельчайшие брызги! Но центральная магнитная точка тут же собрала водяную пыль обратно в каплю. Кап, обмерев на секунду, начал падать в реку. Однако тут же пришёл в себя. Опять нащупал одну из линий планетного силового поля и помчался по ней к жилищам двуногих великанов: в то место, откуда доносился особенно явный сигнал.

Сквозь прямоугольный проем Кап влетел в громадное помещение, замкнутое квадратными плоскостями. Здесь было много непонятного. Но Кап не стал оглядываться. Главное – сам обитатель жилища. Он сидел перед каким-то блестящим предметом, от которого как раз и шли сигналы. Перед глазами великана блестели две круглые пластины – словно линзы из неживой затвердевшей воды. Такой же материал покрывал слегка выпуклую переднюю стенку той штуки, с которой великан общался. Над этой штукой торчал металлический стержень, на которой горела искра от Лау-ццоло (или как оно тут называется).

Конечно, Кап не умел рассуждать логично, как взрослая капля. Но инстинкты и способность к догадкам – они ведь от рождения. И чутьё подсказало Капу, что, если он сядет на шарик стержня и пошлет великану магнитный импульс посильнее, этот житель здешнего мира услышит его, Капа. И может быть, даже поймёт.

И Кап сел – словно на шарике зажглась ещё одна искорка. Сгустил внутри себя заряд помощнее и бросил его наружу невидимым лучом:

– Здравствуй. Ты – разумный?

«Профессор Тачкин уже вторую неделю налаживал свой контакт с “Аликом”. “Алик” – это “Анализатор лингвистических структур с полным профилем саморегулирующихся блоков”. Короче говоря, компьютер, предназначенный для разбора всяких загадок и хитростей, связанных с языками – современными и древними, земными и (на всякий случай) инопланетными. Машина была, конечно,

гениальная, но характер имела вредный, с чисто человеческими капризами. Когда пришлось расшифровывать надписи на глиняных табличках, найденных недавно в одной пещере у Красного моря, “Алик” разделался с этим шутя. Но когда профессор задал ему какой-то пустяковый вопрос, тот выдал в ответ светящуюся строчку:

“Сам-то не можешь мозгами пошевелить, что ли?”

Сегодня утром профессор ввёл в “Алика” программу, необходимую для разгадки древнего колдовского заклинания жрецов племени Юго-туго. Сперва “Алик” добросовестно замигал цветными лампочками, но потом вдруг выдал на дисплей какие-то загогулины. А следом – весьма обидную фразу:

“Здравствуй. Ты – разумный?”

– Ну, знаешь ли!.. – возмутился профессор Тачкин. – Я-то разумный, а ты ведёшь себя совершенно несерьёзно. Неинтеллигентно даже…

Тогда “Алик” включил акустический блок и сообщил механическим, но с капризной ноткой, голоском:

– А при чём тут я? Это какой-то тип сел на внешний вывод и лезет со своим излучением…

– Что ты городишь! – рассердился Тачкин.

– Сам посмотри! Вверх, на антенну!

Профессор посмотрел и ничего не увидел. Только горели на хромированном шарике две солнечные искры.

– Ты меня неумно разыгрываешь, – с упреком сказал профессор.

– Очки надень!

Очки были на профессоре. Он поправил их и пригляделся. Одна из искорок странно вибрировала. Она дрожала внутри крошечной капли. Словно в росинке.

– Н-ну и что? – произнёс профессор Тачкин.

Капелька вдруг снялась с шарика и стала описывать вокруг него кольца, как спутник вокруг планеты. Потом нарисовала в воздухе несколько сложных фигур. В её поведении определенно угадывался какой-то смысл.

Профессор был широко образованный человек. Он никогда не сомневался, что формы жизни во Вселенной могут быть самыми разными. Поэтому не очень удивился. Но всё-таки заволновался.

– Простите… С кем имею честь?

Капелька опять опустилась на шарик. А по экрану побежали зелёные буквы:

“Я – Кап… Мы с классом полетели на экскурсию в Широкое пространство и на минуту присели у вас… Я увидел что-то разноцветное; оно летело. Я полетел за ним. Наверно, никто не заметил, что меня нет, капсула ушла… А я здесь… Ты можешь мне помочь?”

– Э-э… простите, но как?

“Ты же разумный! Нужен магнитный транслятор с автоматическим определителем координат… А то ипу-ннани и ипу-ддули там совсем высохнут от страха за меня…”

И профессору показалось, что кто-то всхлипнул. То ли “Алик”, то ли кто-то ещё…»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Вице-президент

Прошлой весной в городе Ново-Калошине случалось много необычного. Такого, что в газетах называется аномальными явлениями. То выпадут на асфальт

разноцветные дождики, то прокатится слух, что над стадионом зависла летающая тарелка; то летающие тарелки и сковородки объявятся у кого-нибудь в доме. Подобное случилось, например, у домохозяйки бабки Кручининой на улице Малой Колодезной. В комнате ожили давно не работавшие часы с кукушкой, а кухонная и столовая посуда принялась носиться кругами по воздуху. При этом большая сковородка зацепила голову участкового милиционера Кутузова, который пришёл наводить порядок. Младший лейтенант Кутузов два дня ходил с бинтом под фуражкой и скромно гордился ранением, полученным при исполнении. Правда, порядка он так и не навёл, но чашки-миски успокоились вскоре сами по себе (а часы продолжали идти и тикают до сих пор).

В середине мая на окраинных переулках вымахали необычного размера лопухи. Будто в тропиках! Среди них свободно прятались шелудивые окрестные козы.

В местной роще дважды видели снежного человека (хотя, конечно, название “снежный” в такое время года звучит не совсем оправданно).

Но эти события были интересные и неопасные (за исключением ссадины на лбу младшего лейтенанта). А случились и другие – весьма пакостные.

На городских помойках, на пустырях и в скверах появились большущие вороны – раза в два крупнее обычных. Видимо, мутанты. Орали они препогано, причем в их карканье отчётливо слышались человечьи слова – в основном ругательные. Вели себя эти птицы по-бандитски. Случалось, что выхватывали из рук у женщин блестящие сумочки, срывали с прохожих шапки, устраивали налёты на рыночные прилавки. А первоклассников, которые спешили по утрам на уроки, порой просто сбивали с ног… Но скоро житель Ново-Калошина по имени Маркони нашёл на пернатых разбойников управу. Оказалось, они ужасно боятся обыкновенных пищалок. Надо взять катушку от ниток, натянуть на отверстие резиновую ленточку и дуть посильнее. От такого звука вороны-мутанты (в отличие от обыкновенных) с воплями разлетаются кто куда. Поэтому каждое утро, когда школьный народ топал на занятия, весенние улицы наполнялись стонущим, берущим за душу гуденьем… И в середине мая пернатые злодеи не выдержали: собрались в многотысячную стаю и тучей улетели в неизвестные края.

Но, к сожалению, никакого сладу не было с другими мутантами. На ближних ново-калошинских болотах вывелись в первые тёплые дни необычные комары. По комариным понятиям – тоже великаны. Размером с кузнечика. Маркони

прозвал их супер-кулексами. Потому что “кулекс” – это название обыкновенного комара. По латыни.

И до чего же хитрые паразиты были эти супер-кулексы! Летали в одиночку и, несмотря на свои размеры, садились на человека незаметно. И жало вгоняли безболезненно, причем, прямо сквозь одежду. И в одну секунду накачивали себе в брюхо целый наперсток крови. Увидишь на себе такую жуть, бах с размаху, а из-под руки – брызги, как из переспелой клюквы. Бр-р… А на майке или на рубашке– пятно, будто в тебя выпалили из ковбойского смит-вессона. Сперва место укуса не болело и не чесалось, но через несколько часов, обычно среди ночи, появлялось зудящее жжение. Вертишься во сне и царапаешь себя, будто оказался в муравейнике.

И никакие мази, никакие жидкости от супер-кулексов не защищали. В какой-то мере помогало только заклинание:

Егер-маркер,

Пустота,

Восемь кошек,

Три хвоста.

Шиш на мыло,

Кукуруза.

Не садись, комар,

На пузо!

Но годилось оно только для отпугивания подлетающих комаров. А уж если уселся и укусил, ничем не спасёшься от чесания…

Хорошо хоть, что пиратничали супер-кулексы не круглосуточно, а главным образом по вечерам, когда солнце съезжало к самым крышам и в городе становилось прохладнее.

Днём зато мучила новокалошинцев небывалая жара. Её тоже следовало признать аномальным явлением. Всем известен закон природы: зацвела

черёмуха – жди майского холода. А здесь черёмуха цвела (и цвела бурно!), когда термометры в тени показывали тридцать один градус, а на солнце вообще была Сахара.

…Но жара жарой, а традиции клуба “Рагал” (“Радиус Галактики”) были незыблемы. На все заседания члены клуба приходили в отутюженных костюмах и строгих платьях. Мужчины – при галстуках. “Рагал” был литературным клубом любителей фантастики.

Только недалёкие люди считают, что любовь к фантастике и её изучение – дело несерьёзное. Рагальцы же были уверены, что всё наоборот. И официальностью облика подчёркивали важность своих собраний.

А сегодня собрание было важным вдвойне. Во-первых – последнее перед летними каникулами. Во-вторых – стоял вопрос о приеме одного из членов “Рагала” в секцию высшей ступени.

Ступеней (и секций) было три. Низшая называлась “Любители”. Следующая – “Знатоки”. А самая высокая – “Авторы”. В неё принимали тех, кто не только читает и знает фантастические книги, но и сам сочиняет рассказы и повести. Причем сочинять полагалось хорошо, интересно. Лучшие произведения Авторов печатались в клубном альманахе “Звёздное копыто”, а некоторые даже в городской газете “Вечерний Ново-Калошин”.

Ну и понятно, что принимали в “Авторы” после строгого экзамена. Кандидат читал новый рассказ или отрывок из повести, а потом их (и текст, и его автора) обсуждали. И голосовали. И если голосование было положительным, счастливчику вручали значок: чёрный квадратик с золотой спиралью Галактики и белой буквой А. Их по особому заказу изготовили для “Рагала” в артели “Эмаль”…

На этот раз принимали Егора Николаевича Телегу. Это был человек известный, профессор. Он преподавал в местном университете лингвистику. Несмотря на относительно молодой возраст, имел степень доктора филологических наук, то есть занимался всякими науками о языках. Его докторская диссертация наделала много шуму в академических кругах. Называлась она “Прямое и опосредованное воздействие фольклорно-ритуальных лингвистических построений на явления и события материального мира”. Непонятно, да? Ну, если

попроще, то работа эта рассказывала о всяких заклинаниях, заговорах и ворожбе. В ней доказывалось, что все эти нашёптывания, скороговорки и четверостишия придуманы в народе не просто так, а действительно могут иногда быть полезны. Если они составлены верно и произносятся вовремя…

Студенты и знакомые за глаза называли иногда Егора Николаевича Телегой. Но сам профессор утверждал, что фамилия его произносится с ударением на первом слоге – Телега. И сдержанно обижался, если ударение путали.

Был профессор Телега, моложав, строен, лицо имел худое и очень интеллигентное. Острый подбородок его, пожалуй, чересчур выдавался вперёд (как у сказочного месяца), но это лишь придавало профессору особую симпатичность. Так же как и привычка почесывать подбородок в ответственные минуты.

Ещё следует сказать, что характером профессор Телега был стеснителен и добр, хотя порой и ставил “неуды” особо ленивым питомцам филологического факультета.

Теперь же профессору выпало не принимать, а сдавать экзамен. Он волновался не меньше, чем на защите диссертации. Когда стал читать начало своей повести о приключениях маленького Капа, голос у него дрожал и несколько раз прерывался. А когда чтение закончилось, бедный Телега, несмотря на жару, ощутил озноб. Потому что в жаре этой висело строгое безмолвие.

Клуб заседал в читальном зале районной библиотеки имени Братьев Карамазовых. Основной состав потел на стульях, расставленных вдоль стен, а члены секции “Авторы” сидели за старинным овальным столом, на котором белела гипсовая статуэтка Аэлиты. А Егор Николаевич Телега маялся смущением за маленькой деревянной кафедрой.

Всего было человек тридцать. И все молчали. Никто не спешил: торопливой и необдуманной фразой можно было подпортить свой авторитет.

– Ну, что же… – начал наконец один из Авторов – Сергей Сергеевич Будкин, заместитель директора кинотеатра “Солнышко”. – В какой-то степени это… конечно… может быть…

– Но с другой стороны… – подала голос Анна Эдуардовна Кнопп, работница исполкома. В решительные моменты она обязательно говорила эту фразу, которая всегда звучала весомо и кстати…

Бухгалтер ново-калошинского химкомбината “Красная резина” Борис Борисович Боб высказался определённее:

– Может быть, я ошибаюсь, но, по-моему, здесь в наличии определенный рост литературного мастерства…

На него посмотрели по-разному: кто вопросительно, кто строго, и он сказал:

– Хотя, конечно, я могу ошибаться, тогда пусть коллеги меня поправят…

Слово взял студент-пятикурсник Женя Красавцев из секции “Знатоки”. В прошлом году он получил у профессора “незачет”, но теперь у него уже не учился. Поэтому сказал вежливо и мстительно:

– Мне кажется, коллега Телега… э, простите, коллега Телега несколько поторопился вынести на суд уважаемых слушателей своё творение. Всякий литературный труд можно оценивать, когда он завершен. А пока мы видим лишь попытку завязать традиционный сюжет, не выходящий, на мой взгляд, за рамки любительского уровня…

– Но с другой стороны… – возгласила Анна Эдуардовна Кнопп.

И затем высказывания посыпались без перерыва. Кто-то хвалил профессора. Кто-то поддерживал студента Красавцева. Кто-то с ними спорил. Несмотря на солидность собрания, в споре начал ощущаться накал. Настолько, что председатель – лысый, с седыми буклями, Климентий Олегович Мумин-Ковальский, бывший заведующий городским загсом, а ныне заслуженный пенсионер, – постучал о стол своей курительной трубкой (разумеется, незажжённой).

– Коллеги, коллеги! Мы же не на съезде депутатов. В любом случае следует сохранять выдержку и уважать разные мнения. Их, кстати, высказано достаточно. Почему бы нам не послушать наконец уважаемого вице-президента?

И наступило почтительное молчание,

Вице-президент был главным. И все понимали, что его слово – решающее.

Конечно, имелся в “Рагале” и президент. Но он был почетным, потому что жил в столице. Это известный автор космических романов Никодим Лопушанцев. По причине большой занятости появлялся он в клубе нечасто. Всеми делами клуба заправлял общественный директор Ким Львович Пограничный, подполковник в отставке. Но он ведал именно делами: хозяйством, библиотекой, собраниями и выступлениями. А в литературной области неоспоримым авторитетом был вице-президент.

Кстати, он и сейчас был “на высоте положения”. Сидел не за столом, а на верхней ступеньке раздвижной лестницы, которая стояла у стеллажа с фантастической литературой. Он устроился там с легкостью залётной пичуги и качал покрытой весенним загаром ногой с пятнышками-зелёнками и расчёсами укушенных супер-кулексами мест. На ноге свободно болтался и грозил упасть зашнурованный лишь до половины растоптанный кед. Значок Автора у вице-президента был приколот не к строгому пиджаку, а к жёлто-зелёной клетчатой рубашке с подвёрнутыми рукавами. Внизу у лестницы валялся потёртый, явно не академического вида, портфель. Чтобы успеть к началу заседания, вице-президент отпросился с последнего урока и появился в клубе запыхавшийся и встрёпанный. Эта встрёпанность до сих пор сохранялась в его соломенной прическе… Короче говоря, вице-президент внешностью своей весьма отличался от коллег.

Было вице-президенту одиннадцать лет, и он справедливо полагал, что истинный талант всегда должен оставаться самим собой – и внутри, и снаружи.

А то, что пятиклассник Сеня Персиков – талант, было установлено давно и не подлежало сомнению.

Дело вот в чём. Рассказы и повести всех, даже самых известных Авторов “Рагала” начинались примерно так: “Звездолёт “Тайфун” (или “Радуга”, или “Циклон”, или “303-Х-Эталон-бенц” и т. д.) после долгого перелёта опустился на незнакомую планету. “Роботы взяли пробу, – сказал командир. – Здешний воздух годен для дыхания. Выходим, друзья…” Далее речь шла о контакте с местными обитателями. Конец мог быть хороший или трагический, но так или иначе

торжествовала идея космического братства, единства гуманных ценностей и любви ко всему живому. И ничего плохого тут, конечно, не было, только очень уж… как-то одно и то же. Сами Авторы признавали это со стыдливой самокритичностью.

На фоне общего “рагальского” творчества рассказы вице-президента производили ошарашивающий эффект. Вот, например, начало одного:

“Тихий шестилунный вечер лёг на планету Каррамба-Нуэрва. Ласково мерцали обсидиановые площади Кренкас-саты. Профессор Оо Утри Кауп устало влетел к себе домой, на четырнадцатый этаж уютного жилого дупла в стволе тысячелетнего белого кочебапа. Двенадцать хвостов он сразу отстегнул и положил в холодильник, чтобы хранившаяся в них мудрость не растаяла до завтрашнего утра. Тринадцатый хвост, с разумом домашнего уровня, профессор оставил на себе. Это необходимо было, чтобы разобраться с младшим сыном по поводу его школьных дел.

Младший сын, Оо Каврунги по прозвищу Зелёная Пуба, ходил во второй класс, и у него было всего два хвоста, причем оба коротенькие. И тем не менее на всякие фокусы ума у негодника хватало. А вот на учёбу…

– А ну, иди сюда, шишкабула, двоечник несчастный, – сказал профессор нехорошим стереофоническим ультразвуком. – Иди, иди…

Зелёная Пуба на всякий случай сразу заревел:

– Ага, “двоечник”. А как быть семёрочником, если всего два хвоста? Сколько прошу, купи ещё…

– В наше время, – сказал профессор, – мы не клянчили деньги на хвосты у родителей. Каждый хвост мы выращивали сами…”

Или вот ещё:

«Машину времени бабка Анюта сделала сама, из дребезжащих часов-ходиков. Ей не так уж и хотелось в прошлое, но цены в магазинах и на рынке в наше время сделались такие, что полетишь хоть куда: хоть в средневековье, хоть в “донашу эру”. Но далеко бабка не собиралась, только в тыща девятьсот тринадцатый год, с которым у нас любят всё сравнивать… Однако у главной шестерёнки отломился один зуб, и машина приземлилась не где-нибудь, а прямёхонько на палубе флибустьерской каракки “Ла Медуза”, в шестнадцатом веке. Пёстрая толпа одноногих и одноглазых злодеев тут же окружила бабку.

– Добро пожаловать, мадам, – с хихиканьем раскланялся крючконосый капитан в драном колете и рыжих ботфортах. – В нашей компании так не хватает красавиц.

– Я те дам “мадам”, мафия недорезанная! – рявкнула бабка Анюта и клюкой пробила гнилую палубную доску. – Он тут ишшо комплименты разводить будет! А ну, стать по росту в одну шеренгу!..

Пираты не знали, что раньше бабка была уборщицей в сто тринадцатой средней школе…»

Были у Сени Персикова и лирические произведения. Больше всех нравился читателям рассказ “На рассвете”. В нём говорилось, как мальчик летом жил у бабушки и однажды ночью, когда спал на сеновале, проснулся от непонятного чувства. От ожидания, что очень скоро случится что-то чудесное.

“В щели сочился странный свет: ни луна, ни заря, а что-то совсем непривычное. Мальчик выскользнул с сеновала. Над ближней рощей поднимались несколько разноцветных лучей. Мальчик пошёл туда по холодной, усыпанной предутренней росою траве…

Пройдя опушку, он увидел на поляне… какое-то сооружение. Нет, не летающую тарелку, не звёздный корабль, а что-то похожее на круглый терем. Разноцветные лучи били с крыши. Светились в тереме окошки. На поляне было светло.

По траве ходила рыжая девочка и собирала ромашки.

Девочку окликнули из открытой двери. Она оглянулась и что-то ответила на непонятном языке. Видимо, была недовольна. Её окликнули снова. Девочка взбежала на крыльцо, и мальчик очень опечалился, что больше не увидит её. Но девочка скоро вышла опять. Посмотрела в ту сторону, где в кустах прятался мальчик (заметила или нет?).

Потом она что-то развесила на отдельно растущей мохнатой сосенке. Как на новогодней ёлочке. И вбежала в терем.

Лучи и окошки погасли. И он… он расплылся, стал туманным и поднялся в небо, как тёмное облако.

Мальчик подошёл к сосенке. На ветках висели бубенчики из тонкой листовой меди. Они были похожи на цветы купавки.

Мальчик задел ветку, бубенчики тихо и доверчиво зазвенели.

Долго мальчик стоял и слушал этот звон. И ему казалось, что вот-вот опять появится на поляне девочка с медными волосами. Уже солнце пробилось через листья, заискрилась роса, а в бубенчиках зажглись жёлтые огоньки.

Мальчик не стал трогать все бубенчики, но два из них снял и унёс с собой. Чтобы потом не казалось, что всё случившееся – сон.

Иногда по ночам бубенчики начинают звонить сами по себе, тихо-тихо, так, что слышно лишь мальчику. Словно кто-то подаёт издалека непонятный сигнал…”

Рассказ “На рассвете” был напечатан в “Вечернем Ново-Калошине” под рубрикой “Творчество наших фантастов”. Согласитесь, что не каждого удостаивают подобной известности…

Понятно, что в “Рагале” творчество Сени Персикова ценилось по высшей категории. Потому он, как безусловный литературный лидер, и был избран вице-президентом. Правда, почтительное отношение к нему было смешано с

ласковостью. Всех тут называли по имени-отчеству или коллегой с прибавлением фамилии. А вице-президента – Сенечкой. В более же официальных случаях – “коллега Сенечка”; Но в самые ответственные моменты обращались как подобает: “Уважаемый вице-президент”.

… – Почему бы нам не послушать нашего уважаемого вице-президента?

И все взоры обратились вверх.

Коллега Сенечка перестал качать изжаленной ногой. Пригладил солому причёски. Задумчиво покусал нижнюю губу. “Рагал” притих и потел (а профессор Телега зябко вздрагивал) в томительном ожидании.

– Ну что же, – наконец произнёс коллега Сенечка. – По-моему, ничего. По-моему, вполне… Ну и что же, что это лишь начало? Если начало хорошее, почему конец должен быть хуже? Егор Николаевич и раньше писал неплохо, мы все знаем. По-моему, мы должны доверять человеку…

“Радиус Галактики” облегченно зашевелился, раздались голоса. В том смысле, что да, конечно, какое же литературное творчество может быть без доверия к товарищам по перу. Судьба профессора Телеги была быстро и счастливо решена открытым голосованием. Почти единогласно, только студент Женя Красавцев насупленно воздержался.

Клим Львович Пограничный, общественный директор, вручил Егору Николаевичу значок Автора, а строгая Анна Эдуардовна Кнопп – алую гвоздику. Все похлопали, и клуб “Рагал” распустился на каникулы.

Ново-Калошин получил название от резиновой фабрики. Её до революции поставил на реке Лосихе местный заводчик Тимофей Помидорников. Ближние деревни разрослись вокруг фабрики, вот и образовали город. Никакого другого Калошина в здешних местах никогда не было – ни простого, ни со словом “Старо”. А приставка “Ново” приклеилась к названию оттого, что очень уж блестящие новенькие калоши выпускало предприятие Помидорникова.

Но всё это было в давние-давние времена. С той поры фабрика выросла в большущий комбинат, который отравил немало воды в Лосихе и природы в окрестностях. Появились и другие комбинаты и заводы. И Ново-Калошин сделался крупным промышленным центром. В нём даже метро начали строить, но затем незаметно оставили эту затею, денег не хватило. (Кстати, ещё об аномальных явлениях: пошёл слух, что в недостроенных туннелях появились кровожадные существа, похожие на исполинских муравьев, поросших рыжей шерстью. Метровые! Не от слова “метро”, а от такого роста.)

Разумеется, выросло в городе много высоких современных зданий, целые районы. Однако и старых кварталов сохранилось немало – с уютными улицами, столетними берёзами и густыми клёнами, с одноэтажными и двухэтажными пожилыми домами… На одной из таких улиц – на Гончарной – жили недалеко друг от друга пятиклассник Персиков и профессор Е. Н. Телега.

…Домой они пошли вместе. Солнце палило, асфальт размяк, и листья обвисли от жары. Егор Николаевич страдал в своём наряде. Вертел тонкой шеей в твёрдом воротничке и галстуке.

– Да снимите вы пиджак, – пожалел его Сеня. – А то сваритесь…

– Что?.. А-а… Нет, ничего, – Егор Николаевич стеснённо заулыбался. – Жарковато, но зато вот… – Он коснулся ногтем значка с буквой А. – Понимаю, что это несколько детское тщеславие, но всё равно… Для меня сегодня крайне знаменательный день. Пожалуй, такой же, как при защите диссертации… Ох, на вас комар, Сенечка!

Сеня согнал с плеча невесть откуда взявшегося супер-кулекса.

– Вот псих! Все к вечеру на охоту вылетают, а этот…

– Не укусил? – заботливо поинтересовался профессор.

– Не успел… Егор Николаевич, а вы ведь обещали проверить на своём “Алике” заклинание. Ну, то самое, против комаров, “Егер-маркер…” А то оно почти не действует.

– Да-да! Очевидно, в нём какая-то неточность. Я займусь безотлагательно. Обещаю, что раньше, чем сяду за своего “Капа”… Кстати, коллега Сенечка, я крайне благодарен вам за поддержку. За высказанную вами уверенность, что продолжение повести будет не менее удачным, чем начало. Хотя сам я, по правде говоря…

Вице-президент Персиков искоса, но со значением глянул на профессора Телегу. Потом пнул на ходу портфель и, глядя на свои пыльные кеды, сказал увесисто:

– Вот о продолжении я как раз и хотел поговорить.

– Да? Я… конечно… У вас есть какие-то советы?

– У меня есть вопрос, – ответствовал коллега Сенечка с угрюмой ноткой.

– И прекрасно! Я готов! Спрашивайте прямо, не стесняйтесь!

Коллега Сенечка воткнул в собеседника строгий синий взгляд:

– Спрашиваю прямо. Где он?

Профессор Телега был высок и тонок телом, но от вопроса коллеги он словно похудел ещё в два раза. Костюм обвис на нём, шея вытянулась, подбородок устремился вперёд, словно корабельный бушприт.

– Э-э… коллега Сенечка… Вы не могли бы сформулировать вопрос несколько конкретнее?

Вице-президент обогнул профессора на шаг. Остановился, расставил запятнанные выцветшей зелёнкой ноги, наклонил к плечу растрёпанно-соломенную голову. И сформулировал вопрос вполне конкретно:

– Я спрашиваю: где вы прячете Капа?

– Но… видите ли… Вы же разумный человек, Сенечка, и должны понимать, что такое авторский вымысел… – Егор Николаевич неловко затоптался на мягком асфальте. – Вы же сами прекрасно владеете фантазией и…

– Я – это я, – снисходительно отозвался вице-президент. – А вы, Егор Николаевич, – это вы… Не обижайтесь, пожалуйста, но я же знаю уровень ваших возможностей.

Подбородок профессора задергался самолюбиво и беспомощно.

– Что вы имеете в виду, коллега?

– То, что придумать такое вы не могли. Списать с натуры – другое дело…

– Я всегда, Сенечка, считал вас воспитанным человеком, – жалобно сказал Егор Николаевич. – Да… И вдруг… Право, не ожидал… – Он осторожно обошёл вице-президента и двинулся прочь, отгородившись обидой. Но Сеня не отстал. Шагая в ногу с профессором, он повторил упрямо и в такт шагам:

– Где он?

– Я… конечно, счастлив, что моё сочинение убедило вас, так сказать, в полной реальности событий, но…

– Значит, будете отпираться? – тихо, но с нехорошей ноткой сказал Сеня.

– Но, коллега… Извините, однако продолжать беседу в таком тоне…

– Хорошо, – печально отозвался вице-президент Персиков. – Тогда я на первом же заседании официально потребую пересмотра. Чтобы вас из “Авторов” обратно…

Профессор Телега дёрнулся на ходу:

– Простите, на каком основании?

– А на таком! В “Авторы” принимают за фантастические рассказы, а у вас – про то, что по правде было! Значит, не имеете права!

– Это, молодой человек, надо ещё доказать!

– Докажу, – горько и упрямо пообещал коллега Сенечка. – На основе… как его… ли-те-ра-ту-ро-вед-че-ско-го анализа! Всё равно вас разоблачат! И насчёт рассказа, и насчёт Капа!

– Это… знаете, Сенечка, как называется? Шан-таж! Никогда не ожидал от вас такого… такой, простите, непорядочности! Неужели вы сами не понимаете, как это неблагородно?!

– Понимаю, – вздохнул Сеня и повесил соломенную голову. – Только у меня нет выхода. Потому что Капа жалко… А вы, что ли, благородно поступаете? Спрятали его! – Он опять воткнул в профессора возмущённый взгляд.

Егор Николаевич сказал весьма неуверенно:

– Это… просто неприлично. Извините, но если бы я был ваш родственник, я бы… дал вам подзатыльник. Или даже два…

– Ну, хоть три, – отозвался Сеня опять с грустью. – Только не прячьте Капа…

– Знаете, Арсений, у меня даже слов нет…

– Вы даже и права такого не имеете! – возвысил Сеня голос. – Да! Прятать пришельца с другой планеты от контактов с землянами!

– А если он сам не желает никаких контактов?

– Вот видите! Вы и признались!

– Ничего я не признался! Я это… чисто теоретически!

– А я практически! Он же ещё совсем пацан! По родителям скучает! Вы себя маленького совсем, что ли, забыли? Вот представьте, что вы пятиклассник и оказались где-то один-одинёшенек. Ревели бы небось в три ручья…

– Но… даже если допустить, что Кап действительно существует… Всё равно ведь нет никаких средств ему помочь. Земная цивилизация не нашла ещё способа межзвёздных перемещений. И, к сожалению, никто не может…

Сеня перебил снисходительно:

– Да бросьте вы. Маркони всё может.

– Ну, знаете ли… Я весьма ценю способности этого молодого человека, он очень помог мне в наладке “Алика”, нетрадиционность его методов достойна удивления и всякой похвалы, но…

– Он много раз уже запускал в космос всякие предметы, – сообщил Сеня. – Хоть на какое расстояние. Только возвращать их ещё не может. Но сейчас ведь и не надо, чтобы обратно. Главное, чтобы Кап оказался дома… Егор Николаевич, я в прошлом году из лагеря возвращался, и у нас на полдня автобус застрял, дак знаете какая паника дома была? Маму валокордином отпаивали. А Кап ведь не за тридцать километров, а, наверно, за тыщу световых лет… от мамы…

Профессор Телега на ходу смотрел себе под ноги и чесал длинный подбородок.

Сеня сказал негромко:

– Вы меня простите, что я наговорил вам всякого… Ну, про новое заседание, чтобы вас из “Авторов”… Но ведь Кап… Егор Николаевич, а его правда зовут Капом?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Институт Маркони

Капу снилась родная планета. Влажные проблески Лау-ццоло. Радуги среди лиловых туч, вспышки мокрой зелени далеко внизу… И как он с ипу-ннани и с ипу-ддули весело мчится по прямой магнитной линии, чтобы зажечь и свою искорку в новой многоцветной дуге. И смеётся, смеётся…

А когда сон уже начал таять, смех этот перешёл в горькое безутешное вздрагивание. Потому что нет своей планеты и радуг, нет рядом ипу-ддули и ипу-ннани…

Но проснувшись окончательно, Кап решительным толчком прогнал от себя тоску. Потому что вспомнил: есть друзья. И есть надежда.

Кап уже десять суток обитал в прозрачном круглом жилище, которое на здешнем языке называется “поллитровая банка”. Жилище стояло не под открытым небом. Оно располагалось в другом помещении, которое больше пол-литровой банки во много-много-много раз. Это был “Институт Маркони”. Иначе он именовался “чердак”.

Кап удивлялся свойствам здешнего языка. Одно и то же слово могло означать совсем разные понятия. Например, чердаком называлось не только верхнее пространство жилища, но и то место, где у человеков (то есть у “лю-дей”) располагался аппарат разума. Если аппарат работал хорошо, про человека говорили: “Чердак у него варит”…

Без сомнения, лучше всех чердак варил у Маркони. И это – несмотря на юный возраст. Маркони существовал в этом мире всего двенадцать оборотов, которые планета делает вокруг здешнего Лау-ццоло. По местным понятиями – совсем немного. Если бы можно было сравнивать лю-дей с капельками, директор чердачного института оказался бы лишь чуть постарше Капа.

Кап уже знал, что полное имя директора института – Марк Афанасьевич Шило. А сокращённое – Марик. Но все звали Марика не иначе как Маркони, потому что такое же имя в давние времена носил известный учёный муж. Он был один из тех, кто придумал для планеты Земля способ электромагнитных переговоров. Марик Шило разбирался в электромагнитных делах не хуже того Маркони. А может, и получше, потому что времена теперь были другие: научных знаний накопилась уйма.

Впрочем, нельзя сказать, что нынешний Маркони впитал в себя знания всех наук. Зато смелых идей у него рождалось множество. А способы, как осуществлять эти идеи, он придумывал такие, что академики попадали бы в обморок, если бы узнали. Но они про Маркони не знали. А он чаще всего не знал про них. И работал самостоятельно, на свой страх и риск. И порой помогало ему именно незнание. Судите сами. Если бы дошкольнику Марику было в своё время известно, что вечный двигатель невозможен, никогда бы он и не взялся за его строительство. Но Марик по малолетству в законах механики не разбирался и соорудил нехитрый механизм из колеса от детского велосипеда, нескольких шарикоподшипников и маятника. Не исключено, конечно, что этот двигатель не совсем вечный, но построен он был семь лет назад, а маятник плавно качается и колесо потихоньку вертится до сих пор…

Если бы наш Маркони, по примеру других учёных, верил, что скорость света преодолеть нельзя, он, конечно, не придумал бы МПП-транслятор (МПП – мгновенный прокалыватель пространства). Но Маркони отмахнулся от формул Эйнштейна, как от надоедливых замечаний классной руководительницы, и соорудил модель транслятора за две недели. Причем главная трудность была в том, чтобы достать хорошие, с очень гладкими стёклами зеркала… С помощью этой модели Маркони молниеносно переправил в открытый космос дневник второклассника Пеки Тонколука. Дело в том, что Пеке ужасно не хотелось показывать этот дневник своей тётушке. А на расстоянии ближе трёх парсеков тётушка дневник всё равно отыскала бы…

Но нельзя сказать, что Маркони совсем не признавал научные законы и открытия. Наоборот. Он отлично разбирался в радиотехнике, астрономии и во многих других областях знаний. Кстати, Капу казалось даже, что многие проблемы Маркони понимает лучше, чем профессор Телега, у которого он, Кап, жил до того дня, когда приятель Маркони по имени Абрикос (иначе – Сеня Персиков) переселил его сюда, в институт.

Кап ничего не имел против профессора Телеги. Даже наоборот, он к нему привязался. Профессор многому научил Капа и дал ему массу знаний про планету Земля и про всю здешнюю звёздную систему. Но одного Егор Николаевич дать не мог – надежды, что Кап когда-нибудь возвратится домой. Он горестно разводил руками: “Увы, малыш, но наша цивилизация пока не достигла нужного уровня. И едва ли достигнет скоро…”

А с теми землянами, которые назывались “ребята”, было гораздо проще. Во-первых, Кап сам был “ребята” (на капельном языке – “лито-длиндо”). Во-вторых, насчёт возвращения домой Маркони сразу сказал: “Раз плюнуть”. И объяснил, что самое сложное – это определить точные координаты звёзды Лау-ццоло и той планеты, откуда явился Кап.

Кап координат не знал и виновато печалился.

Маркони решил:

– Тогда нужны звёздные карты нашего трёхмерного Космоса.

Эти карты Маркони и составлял до нынешнего дня. Он работал добросовестно и вдохновенно.

Ребята иногда переговаривались шёпотом:

– Пусть вкалывает. Может, забудет эту дуру…

– И что он в ней нашёл? Такая лошадь…

– Да ну, “лошадь”. Она красивая, ничего не скажешь.

– Но она же старуха! Семнадцатый год…

– Сердцу не прикажешь, – понимающе вздыхала курносая белобрысая девочка Варя.

О безнадёжной любви Маркони знали все. Даже Кап. Хотя понять полностью, что такое земная любовь, он ещё не мог. Здесь выявлялось противоречие: с одной стороны, это вроде бы радость, а с другой – страдание. В любви Маркони страдания было гораздо больше. Впрочем, была и польза. Душевную боль Маркони старался глушить неистовой работой, а это приближало возвращение Капа домой.

Клочковатые тёмные волосы Маркони стояли торчком. Круглые очки на остром носу сверкали и, кажется, даже раскалялись. Большой компьютер “Проныра”

(собственной Маркониной конструкции) тоже раскалялся и несколько раз даже дымил. Потому что Маркони заставлял его тайными путями подключаться к магнитным архивам разных обсерваторий, а потом решать задачи по созданию пространственных межзвёздных структур.

Капу же был выделен маленький компьютер “Сверчок”. С его помощью Кап и беседовал с ребятами. Банку ставили в фокусе специальной вогнуто-решётчатой антенны. Кап садился на стеклянный край и старательно излучал мысли, которые буквами печатались на экране. Это сначала. Вскоре же Маркони научил “Сверчок” произносить мысли Капа тонким кукольным голоском. И всем уже казалось, что это разговаривает сам Кап.

А речь собеседников Кап быстро научился воспринимать на слух.

Компания собеседников всегда была одна и та же. Во-первых, сам Маркони. Но его можно было назвать собеседником лишь с натяжкой. Чаще всего он молча сопел над своим гудящим и дымящим “Пронырой”. Потом – Сеня Абрикос, Матвей-с-гитарой, Варя Ромашкина и три второклассника – Пека, Андрюша и Олик. (Что такое “второ– классник”, было Капу уже понятно; он даже уточнил про себя, что правильнее называть их “третьеклассники”, ведь во втором-то они уже кончили учиться.)

Матвей-с-гитарой был старший, его все слушались (кроме Маркони, разумеется). Он был спокойный, рассудительиый и умел извлекать из гитарных струн такую вибрацию, которую можно назвать звуковой радугой. Варя тоже была сдержанным и рассудительным человеком. Второклассники – они все разные, но в общем-то одинаково непоседливые: то прибегут, то умчатся. Они вели свою беспокойную жизнь.

А Сеня Абрикос… Он был непонятный. То весёлый и любопытный, то вдруг сядет неподвижно и отключится, как перегруженный компьютер. И глаза странные. Словно он, Абрикос, вдруг оказался где-то далеко и потерялся так же, как маленький Кап…

Иногда к этой компании прибавлялся совсем юный представитель человечества – Никита Персиков, Сенин брат. От роду ему было– год и восемь месяцев. В ясли Никита не ходил, воспитывали его дома. Этим занималась бабушка. Но она уехала на неделю в деревню, и все воспитательные задачи перешли на эти дни к

Сене. Родители-то на работе. Вот Сеня и таскал братца с собой.

Братец не был чересчур капризным, но по малолетству требовал постоянного внимания. Он всё время чего-нибудь хотел: “Хочу пить… Хочу на учки” (на ручки то есть; а тяжеленный ведь, потаскай такого!), “Хочу писать…” Хорошо ещё, если это “хочу” вовремя, а чаще бывало, когда уже штаны мокрые.

– Наказанье ты моё, – постанывал Сеня. Но сильно брата не ругал: что возьмешь с малыша? Хоть и бестолковый, а родной.

В “институте” Никите нравилось. То и дело он требовал:

– Хочу гхушку… – игрушку то есть.

“Гхушек” было полным-полно. На полках и столах всякие приборы, блестящие штучки, катушки с проволокой, трансформаторы, конденсаторы, генераторы… Сеня, спросив предварительно Маркони, давал брату какую-нибудь безопасную штучку, и тот на время притихал.

Но однажды Никита самостоятельно стянул с полки заряженный электролит. Этакую серебристую баночку с двумя штырьками. Все тихо беседовали, а Матвей звякал струнами и покачивал ступней в отвисшей босоножке. Никита с “гхушкой” подобрался к музыканту и коснулся штырьками его голой пятки. Матвей уронил гитару и с воплем взлетел под крышу.

Минут пять все, даже Маркони, вповалку лежали от хохота. А Матвей по-обезьяньи висел на верхней балке и плачущим голосом рассказывал, каким уголовником станет Никита, когда вырастет.

Кап ничего не понял в этой истории. Когда успокоились, он спросил через “Сверчок”:

– Матвей, тебе неприятно?

– Ещё бы!

– “Ещё бы” это значит “да”?

– Вот именно!

– Тогда почему все обрадовались?

Народ на чердаке притих. Как объяснить инопланетянину странности человеческой психики? Наконец Матвей хмуро растолковал:

– Потому что могло быть ещё хуже: если бы это чучело ткнуло не меня, а себя…

Сеня виновато засопел и запоздало дал Никите воспитательного шлепка.

– Хочу гхушку, – сказал неисправимый Никита.

Сеня сунул брату бобину от магнитофона, а сам задумался. Присел на чурбак и стал смотреть перед собой – словно в какое-то ему одному видное пространство.

“Может быть, у него тоже любовь? – подумал Кап. – Ему грустно”.

Кап уже умел читать человеческие настроения по глазам, хотя у него самого глаз не было.

Порой, чтобы хоть немного походить на здешних жителей, Кап вытягивал из себя пять отростков: круглый – голову и четыре длинных – ручки и ножки. И в таком виде сидел на краю банки. Но этого не замечали. Как им, людям, разглядеть в подробностях такую кроху? Искорка горит – вот и всё…

А Кап настолько привык жить среди ребят, что иногда у него в сознании менялись масштабы. Казалось, что чердак не так уж велик, а ребята – почти одного роста с ним, с Капом. Особенно когда завязывалась беспорядочная, прыгучая такая беседа, которая называлась “трёп”. Вот как сегодня, например:

– Кап, а вам двойки ставят, если урок не знаете?

Капу было известно, что такое “двойка”.

– Не-а, не ставят. В угол могут поставить…

– Откуда у вас там углы, в тучах-то?

– Ну, не в такой угол, как здесь, а в магнитный. Из него никуда не денешься, пока не выучишь… Торчишь там, а тули-ббуба висит над душой и долбит: “Учи, учи, а то вырастешь и никакой пользы от тебя…”

– А много предметов в вашей школе?

– Ага. Куча.

– А какой самый главный?

– Главный… Я не знаю, как одним словом сказать.

– Ну, скажи несколькими.

– Это… взаимодействие сбалансированной системы живой капли с магнитно-силовой структурой планетарного и космического пространства…

– Ну-у, Кап, ты даёшь!

– Помудрёней, чем Маркони…

– Не урок, а диссертация…

– Ой, подождите!. – Кап взбрыкнул прозрачными ножками. – Можно проще: “Как жить в окружающем мире”!

– Кап, а в дальний космос вы часто летаете на экскурсии?

– Каждый год. Это по программе… Такого понятия “дальний космос” у нас нет. Что дальний, что ближний – это всё равно. Пространство прокалывается в один миг…

– Вашей тули-ббубе, наверно, здорово попадёт за то, что ты потерялся…

Кап сразу начал печалиться:

– Дело не в том, что попадёт. Она ведь переживает ужасно… Видимо, хватились меня слишком поздно, а координаты Земли тули-ббуба не отметила в памяти. Мы ведь залетели сюда на минутку, случайно… Теперь, небось, ищут по всей Галактике…

– Ты, Кап, не унывай, – сказал Матвей. – Скоро Маркони отыщет ваше Лау-ццоло, и полетишь домой. Только нас там не забывай…

– Нет, я никогда… Матвей… А ты уже сочинил песенку про мою планету?

– Не совсем…

– Ну, спой хоть “не совсем”.

Матвей начал наигрывать, потом запел тихонько:

Почему-то этим летом

Я грущу невыразимо.

Снится, снится мне планета

Под названьем Ллиму-зина

(Вы не путайте с машиной).

К небу подниму лицо я —

Вижу радуги и тучи.

Светит, светит Лау-ццоло

Среди дождиков летучих

(И они там все живые)…

Он был вообще-то даже хмуроватый на вид, семиклассник Матвей Шапников. Но песни умел сочинять хорошие, улыбчивые…

Матвей прихлопнул струны, слегка насупился.

– Вот… А дальше ещё не придумал… Маркони, сколько ты ещё будешь возиться со своими картами? Кап уже извёлся от нетерпения, да и мы тоже.

Маркони буднично сказал:

– Всё готово. Остальное от тебя зависит, Кап. Ближайшие-то окрестности вокруг Лау-ццоло помнишь? Я буду участок за участком показывать, а ты смотри внимательно, узнавай…

“Участков” в нашей Галактике великое множество. Все понимали, что скорого открытия ждать не приходится. Надежда разве что на счастливый случай да на великое везение, которое не оставляло Маркони в его научных делах.

На экране в густой черноте появились искры звёзд. Медленно поплыли. Замигали, изменили свой рисунок. Ещё, ещё… Все молча сопели. Даже “Сверчок” сопел, отражая волнение Капа. Потом подал голос Никита:

– Хочу какать…

– О-о, несчастье ты моё! – Сеня поволок братца на двор…

А когда он вернулся, в институте Маркони царило бурное ликование.

– Вот оно, Лау-ццоло! – верещал “Сверчок”. – Вот она, моя планета! Ллиму-зина!

Везение не оставило Маркони и на этот раз.

На экране алмазным шариком переливалась крупная звезда, по сторонам от неё светились капельки-планеты. Одна из них сияла изумрудным светом. В нижнем углу дисплея громоздились значки и цифры галактических координат.

Маркони, однако, поубавил веселье:

– Хорошо, конечно, что нашлась она, эта Ллиму-зина. Только поглядите. Она теперь на обратной стороне, Лау-ццоло закрывает её от Земли. Луч транслятора через звезду не пойдёт. А если и пойдёт, Кап там испарится, как простая капля на сковородке… Можно стартовать, когда Ллиму-зина окажется сбоку от своего солнца. А это через два месяца, не раньше…

– Ну так и что? – беззаботно отозвался Пека. – Кап на каникулах с нами поживёт! Верно, Кап?

– Ещё шестьдесят суток, – вздохнул Кап почти по-человечески. – С ума сойти…

– Ну, потерпи уж, – виновато сказала Варя. – Зато у тебя сейчас полная уверенность, что вернёшься.

– А это обязательно-обязательно, что вернусь?

– Само собой, – успокоил Маркони. – За это время мы транслятор так отладим, что двести процентов гарантии.

– Ты путаешь. Двести процентов не бывает, – опасливо, сказал Кап.

– Это юмор, – объяснил Матвей. – Чисто земное понятие. Вроде как с электролитом… – Он пошевелил пяткой. – Поживёшь с нами и сам поймёшь.

– А юмор делу не мешает? – неуверенно спросил Кап. Его заверили, что юмор всячески способствует любому успеху.

– Тогда ладно… – утешился Кап. – Только пусть мультики по телевизору будут каждый день.

Капу наперебой пообещали, что программа его пребывания на Земле будет насыщена интересными делами и зрелищами до предела.

– И чтобы взрослые про меня не узнали. Кроме Егора Николаевича, конечно… А то замучают исследованиями.

– Да что ты! Ни одна живая душа! – воскликнула Варя.

Сеня сказал:

– Взрослым сейчас не до того. Даже ученые политикой занялись, до космических пришельцев никому дела нет. В Старо-Каменке три тарелки садились, зелёные человечки, вроде гномов, из них вылезали. Ну и что? Написали про это в районной газете и забыли через день…

– Егор Николаевич вчера меня повстречал, про Капа интересовался, – вспомнил Сеня. – Спрашивал: можно ли зайти навестить.

– Кто ему не даёт… – грустно отозвался Маркони. Отыскав Ллиму-зину, он, кажется, опять вспомнил о своей безответной любви.

Кап весело сказал:

– Конечно, пусть приходит! Я его недавно во сне видел!

– Разве вы видите сны, Кап? – вежливо удивился второклассник Олик.

– Разумеется! Каждую ночь. Чаще всего мультики снятся. А иногда, как я дома… – Он опять пригорюнился, но тут же встряхнулся. Вспомнил: – А ещё я знаете что видел? Будто я – как вы! Вместе с вами. Бегаю и катаюсь на этом… на ве-ло-си-пе-де…

Все как-то странно примолкли. Второклассник Андрюша неосторожно спросил:

– А тебе хотелось бы так?

Транзисторный “Сверчок” опять по-человечески вздохнул. И отозвался:

– Это же за пределами реальных возможностей…

Сеня Абрикос грустно пошутил:

– А может, у Егора Николаевича найдётся заклинание, чтобы Капа превратить в человека? Не во взрослого, а вроде нас…

Или… не совсем пошутил?

Маркони отвлекся от любовных страданий.

– Зачем тут профессор-то? Десять метров экранированного кабеля – и никаких проблем.

Второклассники Пека, Андрюша и Олик выжидательно приоткрыли рты (у Олика он был как красная буква О).

Матвей спросил:

– По правде, что ли?

– А чего! Преобразователь – это самая простая система. Перестройка структуры биополя, вот и всё.

– Ой, Маркошенька! – обрадовалась Варя. – Сделай такой подарок Капу!.. Кап, ты представляешь? Проведёшь каникулы в виде земного жителя! Будешь потом всю жизнь у себя на Ллиму-зине рассказывать!.. – Она очень радовалась. Во-первых, за Капа. Во-вторых, потому, что новая работа отвлечет Маркони от мыслей о красавице Глории, которую Варя в душе терпеть не могла. Она тайно мечтала, что когда-нибудь Маркони поймёт всю пустоту и сердечную жестокость Глории. И тогда он, может быть, взглянет на неё, на Варю, повнимательнее. Не как на давнего приятеля из мальчишечьей компании, а чуточку иначе…

Кап запрыгал ни краю банки:

– Я и не знал, что ваша наука может такое!

– Это смотря какая наука, – сказал Сеня с гордостью. – Маркони всё может. Он работает на творческом вдохновении.

Маркони сосредоточенно заметил, что вдохновения мало. Главное – кабель.

– Это условие номер один. А где его взять? На свалку теперь не сунешься, там с весны сторожа завели. С берданкой…

– Может, через Пим-Копытыча попробовать? – посоветовал Матвей.

Маркони согласился, что это, пожалуй, самый верный путь.

– К Пим-Копытычу пойдём мы! – заявил Пека. Если что-то разведать или раздобыть, он был всегда готов. Андрюша же – всегда с Пекой. А Олик – следом за ними.

– Отнесите Пим-Копытычу молока и хлеба, – сказала Варя. – Ох и бессовестные мы, столько времени не навещали старика… Подождите, я соберу пакет.

Глава третья

Ямской пустырь

Пека, Андрюша и Олик шли хлопотать насчёт кабеля и разговаривали. Вернее, разговаривал Олик. Он совсем недавно переехал на Гончарную улицу, случайно познакомился с Пекой и Андрюшей и теперь вслух радовался:

– Вы даже не представляете, как я счастлив, что вы решили со мной подружиться! Правда-правда! Я даже ночью иногда просыпаюсь и просто таю от счастья…

– Постель не промокает? – буркнул Пека. Он был суров снаружи и даже внутри.

Олик не расслышал вопроса и продолжал:

– Дело в том, что я всегда знал: настоящая дружба – это самая большая ценность на свете. Вы ведь согласны, не так ли? – Худой и вдохновенный, как уменьшенный в размерах Дон Кихот, на тонких длинных ногах, с растрёпанными рыжими локонами, Олик по-журавлиному шагал между приятелями, иногда

обгонял их, чуть сутулился и заглядывал им в лица.

Пека смотрел перед собой.

Андрюша смотрел под ноги.

Олик не умолкал:

– Теперь я даже не представляю, как сумел прожить девять лет без единого настоящего друга. Должен признаться, что с друзьями мне до сих пор фатально не везло…

– Как не везло? – спросил Пека с сумрачным интересом.

– Фатально, – вздохнул Андрюша. – То есть судьба такая. – Он был начитанный мальчик и с пониманием относился к людям. Можно сказать, философски.

– Раз судьба, тогда понятно, – пожалел Пека Олика. Потому что в глубине души Пека был добрый. Только очень в глубине.

Сначала Пека не хотел близко знакомиться с Оликом. С какой стати? Ну, подумаешь, не хватило однажды человека для игры в “качалу-вышибалу”, вот и кликнули рыжего новичка, который топтался у своей калитки. А он с той поры: “Можно, я снова с вами поиграю?.. Вы не будете возражать, если я с вами покачаюсь на досках?.. А давайте сделаем вместе воздушного змея…” Пека дулся и морщился. Но не врубишь ведь в упор человеку: “А ну катись давай подальше”. Неловко всё-таки. К тому же Андрюша сказал однажды:

– Ну что поделаешь, раз он такой? Пусть бегает с нами, если хочет.

Пека возразил, что этот Олик прилипала и неженка.

– С чего ты взял, что неженка?

– Вежливый и незагорелый.

– Чего же плохого, если вежливый, – рассудил Андрюша. – А незагорелый потому, что к таким загар всегда плохо пристает. У кого волосы такого цвета…

– Имя какое-то девчоночье…

– А полное знаешь какое? Ольгерд! Он говорит, что родители так его назвали в честь предка. Тот был какой-то князь. Давным-давно.

– Пфы, князь… Вермишелина.

– Зато у него фамилия для нас подходящая. Будет третий Ук.

Дело в том, что Андрюша был Сухорук, а Пека – Тонколук. Оба они ценили такое сходство: “Мы – два Ука”.

– А у этого князя какая фамилия?

– Ковальчук.

– Ха! “Ковальчук” же на “юк” оканчивается!

– Ох, Пека-Пека… – пожалел его Андрюша за безграмотность.

Пека слегка смутился и сказал:

– Ну и фиг с ним…

С той поры Олик с утра до вечера был с друзьями. И не уставал радоваться. Вот и сейчас:

– Нет, в самом деле! Я знаете что думаю? Нам обязательно-обязательно надо сделать так, чтобы…

– Стоп, – велел Пека. Встал перед Оликом. Деловито выдернул у него из-под модных белых штанишек голубую матроску и майку. Пригляделся к животу.

– Это… зачем? – оробел Олик.

– Смотрю, нет ли у тебя на пупу регулятора. Чтобы убавить громкость. И длинность речи…

– Ну чего ты, – тихонько сказал Андрюша Пеке. – Он же не виноват, что такой…

А Олик наконец спохватился:

– Ой… Я опять разболтался, да? Не обижайтесь, пожалуйста, я постараюсь следить за собой.

– Ты тоже не обижайся, – попросил Андрюша. И помог Олику заправить матроску. А на Пеку посмотрел выразительно.

Олик вроде бы даже обрадовался:

– Что вы! И не думаю обижаться! На дружескую критику не может быть никакой досады, это было бы несправедливо. А тем более среди тех, у кого даже фамилии похожие… Так вот, я продолжаю свою мысль. Нам обязательно надо придумать свою эмблему! Например, такую: серебряный рыцарский щит, на нём голубые буквы “у” и “ка”, а наверху полное название нашей организации.

– Какой ещё организации? – сказал Пека.

– Это мы должны придумать! Например, “Три мушкетёра”. Или “Три танкиста” – есть такая песня старинная, очень хорошая: “Три танкиста, три весёлых друга…” В общем, что-нибудь литературное, чтобы всем было ясно…

– “Три толстяка”, – усмехнулся Андрюша.

– Ха-ха-ха! – с готовностью развеселился Олик. – Мы такие толстяки! Особенно я!

– Тогда “Три поросёнка”, – мрачновато пошутил Пека.

Андрюша посмотрел на него.

– Поросёнок, по-моему, один…

Пека всегда выглядел так, словно он вылез из печной трубы, слегка почистился, но до конца это дело не довёл. Чёрные волосы его торчали сосульками, на круглых щеках – тёмные разводы, обтрёпанные джинсы и майка – в чём-то вроде графитовой пыли. При всем при этом Пека ухитрялся сохранять деловой, сосредоточенный вид.

На дружескую критику Пека не обиделся. Почти. Только скользнул угольными глазами по Андрюше (тот был в новых синих трусиках и чистой голубой майке) и по очень аккуратному Олику.

– Ничего, побываем на пустыре – все сделаемся одинаковые.

Олик спросил с опаской:

– А что там, на этом пустыре?

– Придёшь – увидишь. Трущобы…

– А… это далеко?

– Близко, не бойся…

Ямской пустырь лежал, на месте старой Ямской улицы. Улицу и окрестные переулки с ветхими домами срыли, а строить новые здания не спешили. Вот и раскинулось пространство с грудами битого кирпича, гнилыми брёвнами и ржавым кровельным железом. Кое-где вокруг старых фундаментов кустились рябины и черёмуха. Пустырь зарос репейными джунглями, татарником и местной разновидностью крапивы, которую Маркони называл по-научному: “Уртика каннабина”. Возможно, в названии была отражена её каннибальская суть.

На пустыре жили вороны (не мутанты, а обычные, добродушные), воробьи, полевые мыши, бездомные коты и Пим-Копытыч.

– А почему его так зовут? – спросил Олик. Он понял, что разговор о рыцарском названии не находит поддержки, и сменил тему. – Какое-то не совсем обычное

имя и отчество.

– Это не имя-отчество, а просто имя, – пробурчал Пека.

– Точнее, прозвище, – разъяснил Андрюша. – Произносится и пишется через чёрточку.

– А он кто? Сторож?

Пека хмыкнул:

– Чего там сторожить-то…

– А зачем он там живёт? Разве может человек жить в трущобах?

– Во-первых, может, – вздохнул умудрённый жизнью Пека. – Во-вторых, он даже и не человек.

– А кто?

– Он, видимо, бывший домовой, – стал объяснять Андрюша. – А теперь бомж…

– Кто?

– Ну, личность без определенного места жительства… Раньше жил в доме у какой-то старушки, в другом районе, но старушка умерла, а дом снесли. Он поселился на старом стадионе под трибуной, но трибуна потом сгорела. Вот он и перебрался на пустырь. Отыскал подполье под развалинами, там и прописался…

– Разве у домовых бывает прописка?

– Ох, ну это просто так говорится. В общем, живёт, и дело с концом… Мы с ним в прошлом году познакомились, когда там в сыщики-разбойники играли…

– Никогда не видел домовых, – осторожно сказал Олик. – Даже не думал, что они существуют в действительности… А как он выглядит?

– Придёшь – увидишь, – отозвался Пека.

– Неужели он самая настоящая нечистая сила?

– Не вздумай так при нём выразиться, – предупредил Андрюша.

– Разумеется, не вздумаю! Да я же ведь и не в обидном смысле…

– Ни в каком не вздумай, – насупленно произнёс Пека. – И смотри не болтай про него никому. Пим-Копытыч лишних знакомств не любит, особенно со взрослыми…

– Клянусь, что никому ни полсловечка!

Пека сердито махнул полиэтиленовым пакетом.

– “Клянусь”, “клянусь”. А сам всё время языком молотишь… Я вот боюсь, как бы ты про Капа никому постороннему не сболтнул.

Олик прижал к матроске ладони.

– Да что ты! Я же прекрасно понимаю всю ответственность.

– Если и сболтнёт, никто не поверит, – рассудил Андрюша.

– Я никогда в жизни не выдал ни одной тайны, – с печальной гордостью сообщил Олик. Он, кажется, наконец обиделся.

– Мы же на всякий случай предупреждаем, – смягчился Пека. – Ну вот, пришли…

Они миновали последний дом в Полесском переулке и оказались перед стеной сорняковых зарослей.

Стали пробираться еле заметной тропинкой. Олик сразу мужественно зашипел сквозь зубы.

– Скажи заклинашку, – пожалел его Андрюша.

Бамбур-гамбур, бутерброд,

Нынче всё наоборот.

Не кусай меня, крапива,

Дам бутылку из-под пива,

Ты бутылку сдай скорей

И получишь пять рублей…

Олик сбивчиво забормотал. И перестал шипеть.

Некоторое время шли по плечи в мягких лопухах – пыльных, зато не кусачих. Обогнули кучу кирпича и сгоревший сарайчик, пролезли сквозь буйные заросли сирени и оказались на лужайке с клевером и подорожниками. Здесь подымались над травой края солидного фундамента из гранитных брусков. Рядом с фундаментом сохранилось каменное крылечко.

Из-под этого крылечка и вылез навстречу трём Укам Пим-Копытыч.

Теперь самое время описать Пим-Копытыча.

Представьте себе футбольный мяч, обросший серой клочковатой бородой и такими же волосами и снабжённый носом, похожим на маленький лапоть. Кроме того, мяч украшали два голубых стариковских глаза. Впрочем, они почти терялись под клочкастыми бровями. Терялись в густой растительности также уши и рот. Вот такой была у Пим-Копытыча голова. И она, голова эта, сидела не на туловище, а на сером растоптанном валенке. Сверху в голенище валенка были сделаны прорези – из них высовывались руки. Тонкие, покрытые рыжей курчавой шерстью, с большими коричневыми ладонями и узловатыми пальцами. Чтобы передвигаться, Пим-Копытыч упирался ладонями в землю и ловко переносил валенок вперёд или назад…

– Здрасте, Пим-Копытыч, – разом сказали Пека и Андрюша. И Олик у них за спиной тоже пискнул “Здрасте”.

Глазки Пим-Копытыча радостно заблестели.

– Здравствуйте, мои хорошие. Навестить пришли старичка? Оно и славно. Я тут уж заскучал без компании-то…

– Мы тебе молока принесли и хлебушка, – Пека протянул пакет.

– Ой как ладненько! Покушаю теперь. А то цельную неделю травой да корешками питался, будто коза шелудивая…

– У тебя же картошка в подполе, – напомнил Пека.

– Ну, что картошка… – смутился Пим-Копытыч. – Там уж, можно сказать, ничего не осталось. Да и погнила…

– А от гнили у вас заклинашка есть, – напомнил Андрюша.

– Ну, что там заклинашка, если картошка прошлогодняя…

– Ох, Пим-Копытыч, опять, наверно, пустил запас на самогон, – проницательно сказал Пека.

– Ну, какой там самогон… Маленько. Капельку для душевной радости. А то всё один да один… Да вы садитесь, гости желанные. А я вашим приношением угощусь…

Уки сели на фундамент. Пека и Андрюша сразу, а Олик сначала сорвал большой лопух и постелил на камень.

Пим-Копытыч ловко сдёрнул зубами крышку с молочной бутылки, запрокинул голову. Буль-буль-буль… Белая струя побежала в гущу бороды. Пим-Копытыч отряхнул капли, откусил от горбушки…

– Уф… славненько так… внутренняя благость. Спасибо вам.

– На здоровье, – сказал хитрый Пека. – А почему, Пим-Копытыч, ты говоришь, что всё один да один? Раньше ты, бывало, в гости ходил на свалку, к старым друзьям.

– Далеко свалка-то, а я хворый стал, добираться трудно. Да и не осталось там уже почти никого…

– Из-за сторожа? – с пониманием спросил Андрюша.

– Не-е… Со сторожем-то можно в конце концов договориться. Из-за участкового, младшего лейтенанта…

– А, из-за Кутузкина! – сообразил Пека.

Вообще-то фамилия участкового была Кутузов. Но такая громкая, фельдмаршальская, она явно не годилась для младшего лейтенанта. Он был молод и бестолков (не в обиду для остальной милиции будь сказано). Часто ему виделись всякие нарушения, где их не было. И любил участковый раздавать обещания “оформить дело для посадки на пятнадцать суток”. Потому и стал среди местных жителей Кутузкиным.

– Всех грозит разогнать со свалки. Даже тех, кто там с самого её начала обитает. Грех да и только…

– Лучше бы за Лошаткиным следил, – сказал Андрюша. – Этот жулик знаете, что делает? Уговаривает ребят скупать мороженое и приносить ему. Даёт двадцать копеек. Потом заворачивает его в свою бумагу, на которой заграничные наклейки, и продаёт, будто иностранное, за тройную цену. А картинки сам печатает…

Пим-Копытыч покивал. Про коммерсанта Лошаткина он был наслышан от ребят. У того на улице Стекольной имелся магазин с крупной вывеской, сделанной под старину: “Къ Вашимъ услугамъ. С. С. Лошаткинъ”. Хозяин гордился своей фамилией и оскорблялся, если её ошибочно писали через “д” (гораздо сильнее, чем профессор Телега, когда путали ударение). Но как ни пиши, а все ребята в округе знали, что он скупердяй и махинатор. Чтобы покупать мороженое, Лошаткину приходилось вербовать мальчишек с дальних, нездешних улиц…

– Пим-Копытыч, а на свалке хоть кто-нибудь из ваших знакомых остался? – с тревогой спросил Андрюша.

– Разве что Фома-Лоханка да Груздь-Лукошич. У них там хибара в самой глубине… А вам что до свалки? Али нужда какая?

– Нужда, – признался Пека. – Маркони одну штуку опять придумал, кабель нужен. Экранированный.

– Это в специальной металлической оплётке, – вставил Олик. Он сомневался, что Пим-Копытыч силен в электротехнике. Пека и Андрюша строго на него посмотрели.

– Ясненько! Какой диаметр-то?

– Маркони говорит: чем толще, тем лучше, – разъяснил Андрюша. – Но вообще-то любой сойдёт. Кроме как на свалке, его нигде не найти…

Пим-Копытыч дожевал горбушку, отставил бутылку. Покивал. Полез на руках под крыльцо, волоча за собой валенок. И скрылся.

Олик шёпотом спросил:

– А что у него в валенке? Ну… какое у него туловище?

– Никто не знает, – сказал Андрюша. – Он никогда не вылазит. Наверно, стесняется.

Пим-Копытыч выбрался из-под крыльца. Он тянул за собой старинный чёрный телефон с проводом. Поставил аппарат в траву, снял трубку, дунул в неё. Послушал, обрадовался:

– Лукошич, ты? Здравствуй, милый! Как вы там? Существуете ещё? Ну и ладушки… Ладно, ладно, загляну как-нибудь, гостинец принесу. Специально бутылку припас. Вот новая порция отстоится… кхе… – Он смущённо оглянулся на Уков. Обрёл деловой тон: – Вот что, Груздь, у меня проблема. Тут ребятишки пришли, спрашивают, не сыщется ли у вас кусок экранированного кабеля. Чем

толще… Что? Сколь метров? – Пим-Копытыч опять оглянулся на мальчишек. Пека поднял руки с растопыренными пальцами. – Говорят, метров десять… Вишь, новое у них изобретение… Ты уж постарайся, за мной не постоит… Вот и чудненько, Груздик! Ай, какая ты добрая душа!.. Скажу, скажу…

Пим-Копытыч положил трубку, повздыхал, поулыбался сквозь клочья бороды. Сообщил:

– К вечеру обещал доставить. На это место, по своим, значит, каналам. А вы приходите с тележкой, а то ведь тяжесть такая…

– Ура! – сказали Андрюша и Пека. А Олик добавил вполголоса:

– Большое спасибо.

Пим-Копытыч опять покивал и покряхтел. Потом спросил:

– А Егор-то Николаича встречаете? Как он там? Чего-то не заглядывает ко мне. Раньше-то, когда диссертацию писал, то чуть не каждый день ходил советоваться. Как, мол, Пим-Копытыч, подскажите, правильно ли у меня данный заговор записан? Я ему тогда много чего надиктовал из того, что помню…

– Недавно он заклинашку от комаров составил, – сказал Андрюша, – От супер-кулексов. Только она плохо помогает.

– Не надо было ему хорошую отметку ставить за эту… за дис-сер-тацию, – сказал Пека.

– А я знаю, в чём дело! – оживился Пим-Копытыч. – Он сам виноват! Зачем-то вставил слово “кукуруза” вместо другого, научного. Побоялся лишней сложности. Надо-то вот так:

Егор-маркер,

Пустота,

Восемь кошек,

Три хвоста.

Шиш на мышь,

Гипотенуза,

Не садись, комар,

На пузо.

А у него: “Шиш на мыло, кукуруза…” Сразу такое… диссонанс между лингвистической структурой и магик-полем. А кулексам того и надо… Я эту ошибку только вчера открыл. Вы её вставьте на место, “гипотенузу”-то…

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/krapivin_vladislav/serebristoe-derevo-s-poyuschim-kotom

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити